

ТАНД (ТАР)



**ВИЗИТЕР
ИЗ ПРОШЛОГО**

18+

**ФАТУМ
ЧАСТЬ 2**

Фатум

Таня Стар

**Визитёр из прошлого.
Серия Фатум. Часть 2**

«Автор»

2020

Стар Т.

Визитёр из прошлого. Серия Фатум. Часть 2 / Т. Стар —
«Автор», 2020 — (Фатум)

ISBN 978-5-532-04857-7

Психологический детектив. Криминалист участвовал в раскрытии схожих убийств, возможно маньяком. Есть ли у зверя подражатель? Собранные пазлы нарисуют картину преступлений. Что взбрѣдет в голову убийцы со сломанной судьбой? Обложка создана Татьяной Левченей из описания желаемой картинки при помощи генератора изображений lexica.art.

ISBN 978-5-532-04857-7

© Стар Т., 2020

© Автор, 2020

Содержание

От автора	6
Глава IX	7
Многогранный голод	7
Глава X	17
В архив	17
Глава XI	23
Об руку со смертью	23
Глава XII	27
Начало	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Таня Стар
Визитёр из прошлого.
Серия Фатум. Часть 2

Звериный голод – разрушает личность, а творческий голод – созидает красоту!
Таня Стар

От автора

В надежде всколыхнуть общество я, отбросив ложный стыд, написала правдивую историю о людях живущих рядом с нами, чтобы каждый не проходил мимо насилия, спрятанного за стенами.

Глава IX

Многогранный голод

У Потапа от многочасового сидения онемел копчик. Он встал, размялся, и устало взглянул в окно, где срываемые ветром листья кружили во влажном воздухе осени, и падали на землю, будто увесистые капли слепого дождя. Переменчивое небо то хмурилось мохнатыми тучами, то светилось щербатой улыбкой, щекоча солнечными лучами макушки деревьев. Стая крикливых галок, вышагивая по усохшей траве в компании общительных грачей, рыскала взглядом в поиске семян сорных растений в опавшей листве. Обладатели желудей лакомились ароматной горькой мякотью, прячась от собратьев на ветках в укромных местах. Они легко щелкали мощными клювами плюску, отбрасывая в сторону жёсткую кожистую околоплодную шапочку.

Умная галка расположилась на макушке дуба, имитируя собачий лай, старательно прогоняла грача с желудем в клюве. Озабоченная пропитанием стая, не обращала внимания на соседей. Птица, наметив добычу, стремглав слетела вниз и устроила потасовку, отбирая у чужака вкусный жёлудь. Однако силу она не рассчитала и на подмогу ей слетелись все забияки, и скопом ринулись на находку, засвидетельствовав истину, что голод стадное чувство.

В конце концов, стая разлетелась. После затишья птицы с осторожностью по одной снова спускались на землю за добычей. Битва за выживание продолжалась.

Безудержное чувство голода отозвалось под ложечкой у криминалиста и почти сразу же исчезло. Огромный объем работы, не терпящей отлагательства, вынудил Потапа забыть о житейских радостях. Наблюдая за птицами с чёрным опереньем, он всматривался в их серебристо-серые грудки и погружался в мысли о жизни и движении в ней. В такие минуты часто рождались новые идеи. Работа двигалась медленно, это была бессонная ночь и голодное утро.

Потап вспомнил испачканное мукой лицо матери, фартук с подсолнухами на груди и вкус вареников с картошкой со шкварками. Умелая хозяйка, защипывая края теста, творила настоящие произведения кулинарного искусства, превращая вареники в сосновые шишки. Она бросала их в кипящую солёную воду, накрывала крышкой и, после третьего вскипания, шумовкой вынимала пышные, как пирожки, вареники, накладывала их в глубокую тарелку и, приправив сметаной, звала сына к столу. Никто в округе не умел так искусно лепить вареники, как мать. Зная слабость сына к еде, она хлебосольно встречала его.

У Потапа потекли слюнки от воспоминаний о варениках с капустой и грибами, он сглотнул, явно ощущая запах шипящего в жиру лука. Бросить бы все и махнуть к матери, обнять, поцеловать и услышать: «Сыночек!», слово от которого таял лёд в душе.

Мать ставила доверху наполненную тарелку и голодный, будто зверь, желудок немедленно отзывался утробным урчанием. Вкусные грёзы наполнили тело душевным теплом, и как рукой сняли осеннюю унылость души. Потап дал себе слово навестить родителей.

Отжившая свой век ветвь могучего дуба, с выщербленным в человеческий рост дуплом, заскрипев многоголосьем, упала на землю, вспугнув пернатую стаю и пробудив Потапа от неги воспоминаний. Он изумился, ведь не каждый день видишь, как на глазах погибает часть огромного существа.

После поиска улик на месте убийства Надежды Музычук, Потап сразу же сформулировал рабочую гипотезу и разработал план действий. Следователи, даже не подозревая сколько времени уходит на идентификацию улики, чтобы доказать их принадлежность подозреваемым, представить начальству экспертное заключение исследованных предметов, и установить их взаимосвязь с убийцей. Потапу было хоть раздвоись на части, чтобы справиться.

Анализируя и сопоставляя факты, глубоко увязший в кропотливой работе криминалист, выбрал наиболее эффективный путь, который должен был приблизить расследование к раскрытию преступления. Склонный к исследовательской деятельности, он с максимальной скрупулёзностью просматривал все доказательства.

Потап не выносил равнодушия к работе, поэтому чаще никому не доверял её исполнение, боясь за утерю важных улик, или порчи их нерадивыми сотрудниками. Рассеянность в работе он ставил в один ряд с преступной халатностью.

Первоочередным делом он считал графологическое исследование. Чутьё подсказало, что этот путь хоть и масштабный, но все же, при удаче, скорый в достижении цели. Просматривая намётанным глазом тетради старшекласников, он норовил обнаружить сходство с почерком в записке, оставленной преступником в руке жертвы.

Убийство Музычук оказалось неординарным.

Начальник районного отдела проявлял эмоциональную несдержанность в отношении Потапа. Он уверовал в то, что эксперт бог и должен вмиг, проделав множество экспертиз, принести на блюдечке результат. Раздражённый, свалившимися на его голову преступлениями, он подгонял педантичного криминалиста, чем слегка его злобил. Полковник, словно оборотень, перевоплощался в хищника, совал нос в каждую дырку, контролировал и подгонял процесс, что чрезвычайно мешало Потапу сосредоточиться на главном. Если неуёмный начальник не даст ему передышку, – размышлял Потап, – он скончается на месте от нервного срыва или от голода.

Для исполнительного эксперта это была чрезмерная нагрузка. Удивительная способность мозга одновременно исследовать улики и размышлять о жизни спасала расшатанную за годы работы в органах психику эксперта. Монотонный труд он превратил для себя в интересное и многообразное хобби, это удерживало его долгие годы на поприще криминалиста.

Снова засосало под ложечкой и, присущая чертам лица озабоченность, обострила глубокая морщина между бровей. Он огладил рукой живот и понял, что за пару дней его размер заметно уменьшился, а в ремне появилась новая дырка. Выютюженные руками заботливой жены брюки с острыми, как бритва, стрелками, деформировались от долгого сидения, образовав на коленях пузыри. Живот урчал военные марши, благо в кабинете никого не было, чтобы оценить завывания кишечника. Чтобы избавиться от неприятных ощущений, Потап налил из графина в гранёный стакан воды и, осушив до дна, продолжил исследования почерков.

Голод вернул Потапа в детство, и он отчетливо припомнил страшные времена.

Голодомор в Украине коснулся его многодетной семьи и что это такое, он знал не понаслышке. Несытое детство было тому подтверждением.

Его мать перед тем, как послать кусок хлеба в рот, крестилась четверть часа, благодарила подававших еду людей, и поминала соседей померших от голода.

Потап тепло вспомнил о тех, кто спас их с братом погодкой от голодной смерти. Даже гнилые овощи, картофельные очистки, все шло на похлёбку. Её привкус до скончания дней останется в сознании Ветрова. С тех пор старший лейтенант к пище стал непривередлив.

Позже, Потап, изучая историю, узнал правду о трудных временах.

Голодомор тридцатых годов унёс жизнь почти десяти миллионов украинцев. Это было преступление против собственных граждан, геноцид. Определённые лица, наделённые властными полномочиями, стремились «умиротворить» голодомором соотечественников. Среди этнических украинцев ходили революционные настроения, и они подверглись жесточайшему голодомору.

Мысли о хлебе насущном не давали прогрессивной массе людей увлечь за собой голодающее население. Но люди выживали за счёт сердобольных, кто подавал нищим. Люди ели крыс, мышей, воробьев, костную муку, кору деревьев. Были случаи каннибализма, когда из-

за конфискации провианта, зерна, сала, картофеля, люди могли съесть даже кожаные изделия, которые отваривали.

Конвой на железнодорожных станциях не допускал к зерну, гниющему под открытым небом, умирающих с голоду людей. За кражу социалистической собственности приговаривали к смертной казни даже матерей – за принесённую с поля горсть зерна голодным детям.

Умерших от голода, ежедневно вывозили в братские могилы, собирая по улицам селений и городов.

Потап в те годы был одним из тех детишек, которые ранней весной не носились по полям и садам, не ходили в школу, потому что не было сил двигаться. Он сидел у забора со сложенными в калачик опухшими от голода ногами, любовался цветущим абрикосом и мечтал о крошке хлеба. Лозунг, висевший в сельской школе, «Спасибо за счастливое детство товарищу Сталину!» был всего лишь бездушным слоганом.

Многие матери, спасая от голода детей, в отчаянии подбрасывали их в проходившие мимо грузовые поезда, чтобы власти их накормили. Сироты слонялись по дорогам и попрошайничали. Большая часть их на ходу падали от голода, не дождавшись помощи от властей.

Но мать Потапа из последних сил старалась отыскать еду, не желая расставаться со смыслом её жизни, – детьми.

С годами смертность убывала, и то лишь по причине прироста населения за счёт запрета на аборты.

Страшное время было давно позади, но привычка запасаться хлебом у Потапа исчезнет только вместе с ним.

Голод тошнотой подступил к горлу и с каждым часом барьер повышался. Мозг отказался трудиться без подпитки. «Пора перекусить», – уж много раз вторило подсознание. Стопка тетрадей слишком медленно таяла.

Эксперт открыл слева от себя шкафчик, заглянул внутрь, переставил пустые баночки и обнаружил в углу сухарик. Он поднёс его, хрустящий, к носу, вдохнул аромат и, насладившись хлебным духом, надкусил корочку крепкими, как у здорового жеребца, зубами. Хруст оглушил, слюна рекой хлынула к божественной еде, и вмиг растворила хлеб. Рецепторы взорвались сладким, кислым и горьким вкусом. В мозг хлынула информация о ржаном хлебе. Для голодного это были сладостные минуты, когда во рту таяли крошки ржаного хлеба. Смакуя, он догрыз сухарик и снова окунулся с головой в тетради.

До сих пор он не нашёл ни одного совпадения по почерку. Это радовало только в одном, что среди учеников преступник не нашёлся, и огорчало в другом, что расследование возможно пошло не тем путём.

Бросить проверку тетрадей и пустить работу в другое русло Потап не мог физически. Педантизм играл не последнюю роль и часто тормозил процесс расследования. Усердие мешало остановиться на полпути, потому что прежде следовало подтвердить вывод, а потом переходить к новому этапу.

Глаза слезились от сильного напряжения при использовании оптики. Он потёр их, снова прошёлся по кабинету, выглянул в окно, в котором виднелись сумерки. Стая птиц покинула парк и его окружила ночная тишина. Голод слегка утих и, не глядя на усталость и спустившуюся ночь, старший лейтенант продолжил графологическую экспертизу.

Вареники не давали покоя. Образ матери являлся, когда приходилось особенно трудно. Будучи глубоко религиозным человеком, мать блюла божьи законы и как ангел хранитель берегла сына, молясь о нём.

Потап в детстве разучил молитвы и до сих пор знал их на зубок. Ребёнком он не осознавал, кто такой Бог и твердо верил в то, что это его мать. Он любил мать и нуждался в её любви. Возложив на его хрупкие плечи чувство ответственности за младших детей, она неосознанно

украли у него детство. Он всегда чувствовал себя старшим, ведь он почти всем им заменил отца, и его сестры и брат не смели ослушаться его, когда уже и сами были родителями.

Рядом с матерью Потап доселе ощущал себя маленьким ребёнком, и стал чувствовать её защиту с того момента, когда с тюрьмы вернулся отец.

Мать сильно любила главного своего помощника, была всю жизнь ему благодарна за помощь в спасении жизни ее детей. Она души в нём не чаяла и почитала, каждый раз, встречая сытным обедом, испытывая перед ним вину за изголодавшееся детство.

Хлопчущая у печки состарившаяся мать была неоспоримо прекрасной картиной семейного очага, у которого согревалось сердце, забывался холод, голод и отчаяние. Тяжёлое детство крепкой нитью привязало Потапа к семье и даже сейчас он, исподволь, контролировал жизнь всей родни, и всегда приходил на помощь.

Минула ночь кропотливой работы над исследованием многочисленных тетрадей. Почерк Мстителя не совпадал с образцом. Появилось весомое доказательство его невиновности. Хотя это можно и оспорить. Записку мог написать кто угодно по просьбе маньяка, хотя Потап думал, что это маловероятно.

Сначала он искал схожесть по общим признакам, характеризующую почерк в целом. Каждому человеку соответствовал свой темп и движение письма, размер и наклон, разгон и связность букв, а также сила нажима. Он почти заснул над стопками, но его внимание привлекла тетрадь, которую он открыл.

В нём заговорил любопытный исследователь. Несколько раз, сверив почерк в тетради и записке, он предположил максимальную схожесть и отложил тетрадь в отдельную стопку для более детального изучения. Стопка со схожими почерками не росла, но Потапу ещё предстояло проверить пару десятков тетрадей. К тому же взятые образцы почерков у преподавателей также стояли в очереди для экспертизы.

К концу работы у Потапа в стопке с похожим почерком лежало полдюжины тетрадей для детального исследования. Надо было в этой шестёрке выделить частные признаки – индивидуальность почерка.

Предмет по почерковедению он любил. Он с сокурсниками на лабораторных работах писали записки и правой и левой рукой, а затем перемешивали и устанавливали где чьи. Инстинкт охотника помогал со сто процентной уверенностью найти, даже заведомо изменённому письму, хозяина почерка.

Он взял предпоследнюю тетрадь положил под микроскоп и рассмотрел заглавное «Т». Сличая слова с образцом, Потап увидел структурно-геометрическую схожесть и идентичность динамических характеристик. Совпадала извилистость, право наклонность, высота строчных элементов и расстановка букв. Буква «Т» и особенность его написания не оставляли сомнений, что перед Потапом лежала тетрадь с почерком убийцы.

Потап, увлечшись расследованием, провёл ночь в кабинете. Голод эпизодически напоминал о себе, заставляя его жадно пить воду. Это был не тот голод детства, когда внутри сводило живот, тряслись руки, дрожало тело, а перед глазами, расползаясь, плыла жизнь. Он в большей степени ощущал голод времени, которое таяло с каждым ударом сердца. На кону была жизнь детей, которые могли пострадать из-за его нерасторопности. Преступника надо успеть обезвредить. Помощи ждать не от кого. Шаг за шагом он приближался к завершению некоторого этапа расследования.

У Потапа забарабанило сердце от сходства почерков в тетради и записке.

Безусловно, что исследуемая писулька должна была содержать достаточный объем графических признаков, которые индивидуализировали исполнителя. Но и то, что Потап нарыл, привнесло уверенность, что он на правильном пути.

Потап вынул тетрадь из-под микроскопа, взглянул на её обложку и замер. На ней не значилась фамилия ученика. Он несколько раз пролистал её от начала и до конца, но так и не обнаружил фамилии и нумерации класса.

– Вот незадача! – он с отчаянием взлохматил ладонями волос. – Н-да. Лёгких путей не бывает.

Он повертел тетрадь, всматривался в содержимое страниц, качал головой и рассуждал:

– Иначе жизнь была бы слишком проста и неказиста.

Озадаченный неожиданным казусом Потап позвонил Борису.

Телефонный звонок растормошил, казалось, только что уснувшего Борьку. Он схватил трубку и крикнул:

– Старший оперуполномоченный Кабанов, слушает. Алле, – но в ответ, ни слова ни пол-слова. Борис потряс трубку, стукнул её о стену так, что она чуть не разлетелась вдребезги. Находясь в плену Морфея, он снова попытался вынырнуть в настоящее.

Очнувшись, он разлепил глаза и понял, что крепко спал. В руках трубки не оказалось. Борис с трудом сориентировался, где находится. В предрассветном мраке бородавчатый потолок ответил, что он дома, – в своей кровати. Одетый и в ботинках он лежал сверху покрывала и даже не вспомнил, как свалился замертво от бессонных ночей. Схватив трубку, висящую на телефонном кабеле, он все ещё не мог произнести ни слова. Не найдя как ответить что-нибудь вразумительное, он не членораздельно промычал:

– У-у-у.

Потап, услышав сонное мычание, перешёл к делу.

– Это я Потап. Включайся, ты мне нужен. Тут такое дело... – он замялся, ожидая ответа с противоположного конца, в надежде, что его поймут. – Возможно, я нашёл убийцу, но фортуна пока на его стороне. Тетрадь с его почерком не подписана. И теперь настало время для твоей работы, – он знал, что на другом конце Боря ловит каждый его шорох. – Я домой спать, а ты дуй в школу и выясни, чьи это письма. Понял? Повтори.

– Есть! Товарищ старший лейтенант.

У Бориса сон как рукой сняло. Такой удачи он не ожидал. Он в доску разобьётся для Потапа и выяснит, кто сдал не подписанную тетрадь.

– Понял. Выхожу. Все сделаю в лучшем виде.

Борис через пять минут шагал по мокрому асфальту на работу. Так быстро он ещё ни разу не собирался, словно ошпаренный.

Утром небо разразилось молнией, вдали громыхал гром, голову поливало дождём, как из лейки. Поглощённый мыслями о работе, он бодро встретил рассвет, не замечая ни сырого холода, ни пара изо рта.

За последнее время у Бориса появилась, ему неизвестная, черта характера, такая как многогранность, о которой он и не подозревал.

Его доброе от природы лицо мгновенно перевоплощалось в зависимости от того с кем он общался, и чего добивался. При встрече с друзьями оно светилось добротой, вселяло страх преступникам, выражало злость врагам, мог скрыть эмоции за маской безразличия, как талантливый мим.

Борис предпочитал проводить опросы сам, потому что наблюдательность, умение по мимике видеть невидимое, – досталась ему от природы, а его интуиция балансировала на грани ясновидения. Проще говоря, он задницей чуял ложь, и внутренним чутьём определял причастность человека к преступлению.

Карие глаза, как буравчики насквозь сканировали собеседников, которые с лёгкостью расставались с секретами, доверив их неоперившемуся и энергичному следователю. Гипнотизируя людей, он добивался признаний. Как ему это удавалось, он объяснить не мог.

Присущий, не в патологической форме, перфекционизм принимал ошибочность его собственных взглядов. Жизнь для Бориса была не только «чёрное и белое», он наслаждался радужной жизни, хотя некоторых оттенков, как дальтоник, не замечал. Работу оперуполномоченным он воспринимал в красном цвете. Она казалась ему хуже, чем есть на самом деле, раздражала как быка, но, сколько бы он не искал другую работу, более идеальную, то вряд ли бы нашёл. Он боролся с собственным я, даже при выборе девушек. Не каждая подходила под его суждение о любви – «либо все, либо ничего». Вероятнее всего Борис прожил бы жизнь в одиночестве, не найдя идеальных отношений, до тех пор пока не понял бы, что слово «достаточно» часто означает именно это.

Люди для Кабанова были тем инструментом, на котором он оттачивал на допросах мастерство оперативника. Каждый раз, расследуя новое дело, он понимал, что ему не хватает знаний по психологии.

Как-то в разговоре с врачом психиатром по делу о Мстителе, он услышал о существовании методики манипулирования психическим сознанием человека. Экспериментатор по натуре он допускал применение сомнительных методик на людях, чтобы воочию видеть результат. И все же человечность не позволяла ему использовать самые жестокие из них или более двух одновременно, но один он всегда выбирал и внедрял.

Экспериментировать он начал сразу на допросах Мстителя. Борис употребил яростный напор и непомерный гнев. К сожалению, результат огорчил опера. К счастью ситуацию спас Потап. Он нашёл ключ к психопату, а опер разочаровался в том, что не правильно выбрал методику.

По его сценарию, – маньяк, якобы, должен был успокоить опера признанием в убийстве. Он должен был рассказать все как на духу. Но окончательно окаменевший под прессингом Бориса маньяк ввёл его самого в аналогичный ступор. Следователь осознал промахи и ошибки, но не отказался от дальнейшего применения методики.

В беседе с Михайловым опер ограничился излишней подозрительностью, вызвав обвиняемого к вынужденным оправданиям. При этом он добивался «проталкивания» в подсознание – нужных психологических установок, за счёт ослабления защитного барьера психики. Ему практически удалось сломить Лёню. Метод помог оперу убедиться в его невиновности, этому он был несказанно рад, а моральные устои его мало волновали.

Слишком доверять нововведениям Борис не спешил. Допрашиваемые люди, испытывающие психологический прессинг, не интересовали Бориса, как личности, ведь перед ним стояла цель, и он реализовал её как мог.

Труднее всего ему дался разговор с родителями убитой Надежды, тронувшие его за живое. Сопереживая, Борис чувствовал вину за то, что мирные люди страдали по воле убийцы, что судьба жестоко наказала их.

Слова матери о божьей каре, застряли в его подсознании. Она неустанно твердила об этом, повторяя, что они с мужем состояли в родстве и были троюродными братом и сестрой.

Борис неоднократно возвращался к мысли о божьей каре, возмездии которое настигает грешников. Но в его сознании не укладывалась логика матери.

Библейские рассказы о происхождении людей, что Ева сделана по подобию Адама из его ребра, приводила к выводу, что все люди братья и наказания не логичны.

Грех кровосмешения выдумка. Да и правители нередко грешили, чтобы накопленные богатства не покидали семейный бюджет.

Опять же, зря мать Музычук страдала от греха кровосмешения, оно было заложено изначально с появлением Адама.

Борис малость подумал о смертности человека, об послушании богов, но, ему в силу юного возраста, не больно хотелось вдаваться в религиозную философию. Не найдя оправдывающих аргументов для Надиной матери, он успокоился.

Он блестяще справлялся и делал все от него зависящее не только ради родителей, которым, по сути, было уже все равно, кто совершил преступление, но и ради собственных амбиций.

Борис, уверенный в победе добра над злом, опросил сотню человек, обошёл полсотни квартир, выведывая информацию у людей, чтобы найти хоть мизерную зацепку об убийце. Не зря сыщиков называли легавыми, потому что их чутьё сродни нюху породы легавых собак.

Борис маршировал на работу за тетрадь, неоценимым сокровищем, хранящим тайну к разгадке убийства.

Тем временем Потап вернулся домой полностью выдохшийся, выжатый словно лимон. Чтобы привести себя в надлежащий ему вид понадобится пару часов, не меньше.

Лидочка, как всегда, хлопотала на кухне, чтобы накормить семью и дать возможность отоспаться мужу, ведь ей довелось исподволь служить отечеству, понимая, что работа стала разлучницей.

Пока Потап уплетал вареники, которые она с любовью наготовила, будто бы уловив волну его настроения и пищевых желаний, Лида, не теряя времени, дословно рассказала о случае эксгибиционизма в школе. Она так возмущалась, что её юной дочери пришлось столкнуться с проявлением человеческих пороков, что если бы ей дали дубинку, она лично охраняла бы пространство от больных мужиков, которые бесстыдно выставляют в дырах школьных заборов гениталии, пугая девчонок.

Удивлённый скрытностью дочери, Потап позвонил Борису и попросил заодно опросить учителя физкультуры Сан Саныча о происшествии в конце учебного года.

Почти такие же вкусные, как у старушки матери, вареники были съедены, но от усталости вкусовые рецепторы притупились, и Потап, засыпая на ходу, дожевал остатки. Предупредив Лиду, что преступник пока ещё на свободе, он запретил выпускать дочь без нужды на улицу, особенно в тёмное время суток и отключился.

Через пару часов Потап приступит к службе, ведь жить ради спасения жизни – оправданная цель. Провалившись во тьму, он храпел на все лады.

Борис с не означенной фамилией тетрадь направился в школу. Озадаченный оперативником, директор быстро сориентировался, вызвал классных руководителей старших классов и попросил просмотреть неизвестную тетрадь. Каждый неспешно осматривал листы исписанные заданием, сверял в памяти, пляшущие в разные стороны крючки. Не ахти прилежный почерк был весьма запоминающийся. Ученик был явно неуспевающим в учёбе, явная безграмотность выдавала владельца. Учительница, преподающая русскую литературу в нескольких старших классах, вспомнила, что на уроке у Димки Ухватава из десятого «Г» отсутствовал портфель, и она снабдила ученика тетрадь и ручкой для выполнения школьного задания.

– Неблагодарный! Даже не соизволил подписать тетрадь, – в её словах сквозила обида.

Борис был на пороге счастья, когда прозвучала фамилия подозреваемого. Оказалось все очень просто.

– Надо же, – думал он, – как я ошибался. Убийцей был другой человек. Потап, конечно, молодчина. Он всегда на высоте. Как хорошо, что он меня во время останавливал.

Раззадоренный результатом, Борис опросил учителя физкультуры Сан Саныча. Подробный рассказ о погоне за эксгибиционистом собственно только отнял золотое время следователя. Было не ясно, кто был тот нарушитель спокойствия. Физрук, тем не менее, уверил опера в том, что со спины узнает негодяя. Борис попытался было обсудить с пятиклассницами прошлое событие, но внятных показаний не получил, от стыдливости они не хотели обсуждать щепетильную тему.

На повестке дня стоял вопрос ареста Ухватава Димы ученика десятого «Г». Для координации действий, он вернулся в райотдел милиции.

Отдохнувший за пару часов Потап, побритый, аккуратно одетый, работал в другом направлении. Он отбирал в следотеке отпечатки пальцев по глобальным признакам, – видных не вооружённым глазом. Он искал отпечатки, оставленные на записке, по папиллярным узорам аналогичным в базе.

Эксперта увлекала теория, что по типу узора определяется характер, темперамент и способности человека, которая то и дело являлась к нему в виде размышлений о личностях. Откладывая в сторону ненужные для исследования следы с узором «петля» и «дельта», он оставлял отпечатки с узором смешанной «спирали», после чего ему предстояло по локальным признакам, которых в каждом отпечатке не менее семидесяти, найти похожий. Это был не благодарный труд, который вёл никуда. Плёвое дело сравнить оставленный преступником след и дактилоскопированный отпечаток. В данном деле наличествовал только фрагмент отпечатка большого пальца левой руки убийцы.

В дверь ввалился раскрасневшийся от прохладной осени Борис и пожал крепкую руку эксперта. Восторженный, он мечтал порадовать Потапа удачным походом в школу. Отпустив рукопожатия, опер потёр руки, и многозначительно взглянув в глаза эксперту, лукаво произнёс:

- Товарищ старший лейтенант, я задание выполнил на пятёрку.
- Рассказывай не томи!

Потапу шла его с чертовским блеском лучезарная улыбка, когда обнажался ряд крепких ровных зубов. В воздухе кабинета при обмене новостями витала долгожданная победа. Удачливый альянс опера и эксперта с каждым успехом крепчал, завязываясь в плотный узел доброжелательных отношений. Они посоветовались и, приведя мысли в порядок, поднялись наверх в логово начальника, готовые доложить об успешном раскрытии преступления. Арест убийцы был делом техники.

Милицейский уазик остановился напротив частного дома из него вышли крепкого телосложения парни в форменной одежде во главе с Кабановым.

Дом окружили, постучали, в дверь. Через пару минут звякнули засовы, и на пороге появилась растрёпанная пьяная особа. Вздыбленные, перехваченные резинкой выбеленные пряди, торчали будто солома. Чертыхнувшись, она заплетающимся языком спросила.

- Чё надо?

Уточнив личность, не отвечая на ее вопрос, милиционер втолкнул блондинку в дом. Ей приказали молчать, и вести себя тихо.

Нина Ухватова не сильно сопротивлялась и села на обшарпанный табурет у стола, на котором валялись пустые пивные бутылки, стояла не допитая в рюмках водка, невымытые жирные от грязных рук стаканы, заветренное сало на грязной алюминиевой миске. В доме пахло закишим мусором, табачным дымом и перегаром.

Мадам, стянув резинку с волос, тряхнула невымытыми патлами, прихорашиваясь. Корявыми пальцами она взбила волос на затылке. Указательным и большим пальцем провела по углам губ, счищая заеды, и кокетливо, если так можно сказать, закинув ногу за ногу, спросила:

- Мальчики вам налить?

Пола халата разлетелись, оголив обвисшую грудь и дряблые ноги. Её язык не повиновался, и фраза получилась нестройной.

– Сколько же надо выпить, чтобы довести себя до такого состояния, – подумал Борис. – А ведь она мать. Таких матерей на виселицу отправлять надо!

– Запахнись, бесстыжая! Сын дома? – Борис рывком прикрыл наготу опустившейся женщины.

– А черт его знает, где эта скотина шляется! – её отвисшая нижняя губа дрожала. – По мне так пусть лазает, где хочет, чем кормить тунеядца.

Она сплюнула на пол, оголив в ехидной улыбке прогнившие через один зубы.

Обвиняя в тунеядстве сына школьника, мать выглядела нелепо. Она не работала и жила с подачек любовников, таких же горемычных пьяниц, как сама. Почему её не лишили родительских прав, осталось загадкой.

- Часто он домой не приходит?
- А мне то что? Пусть не приходит.
- Вот ордер на обыск. Где комната сына?
- Нет у него комнаты.
- Где он хранит учебники и вещи?
- В чулане, – она махнула рукой в сторону.

Хотелось выскочить на свежий воздух из ада, который устроила из жилища эта так называемая мать. Но работа есть работа и никто не придёт её делать за тебя.

Дом обыскали, а попытки выведать у нерадивой мамы, где сын, ни к чему не привели. Она понятия не имела о том, какой жизнью живёт сын. Изрядно пьяная она засыпала, роняя, упёршееся в ладонь лицо, на котором красовался лиловый нос. Находясь в алкогольном угаре, она не отдавала отчёт, что собственно происходит, и почему милиция интересуется сыном.

Обыск не принёс особой пользы для дальнейшего расследования. Опытные милиционеры определили, что мальчик рос в неблагополучной семье, возможно, голодал и был предоставлен сам себе. Среди вещей сына улики причастных к убийству не нашли. Школьный портфель отсутствовал. Дело осложнилось. Никто не знал, как и когда исчез Дима.

Сразу же после обыска милиция объявила в розыск Диму Ухватава, предполагаемого убийцу или соучастника, или жертву.

Пока его отпечатки пальцев не дактилоскопированы, не проведена процедура сверки почерка, нет признаний, по закону, – нельзя заочно вынести обвинение, и считать человека виновным.

Некоторые сомнения появились и у Потапа. Может Диму, тоже убил маньяк, и его труп лежит в одном из парков города или на дне реки. Не факт, что хозяин записки был убийцей Нади. Только комплексные доказательства подтвердили бы выводы эксперта.

Ухватав в понедельник в школу не пришёл и дома не появлялся. Пропал по непонятным причинам. Фото Дмитрия распространили по городу в многолюдных местах. Время шло, а результат поиска сводил многодневный труд эксперта к нулю. Рано радовался Потап. Жизнь так просто не сдаёт позиции, она все время подбрасывает трудности.

Вторник оказался судьбоносным днем для Ухватава. Он явился в школу на первый урок. Одноклассники ничего не подозревали, они привыкли к частому пропуску уроков отстающего в учёбе Димки. Все было, как обычно, учитель сверил с журналом учеников, отметил отсутствующих, вызвал к доске пару человек и озвучил новую тему.

Директор тем временем заглянул в класс и, увидев Ухватава, срочно сообщил Борису.

Звонок сорвал с места учеников, девчонки, складывая учебники, неугомонно щебетали, как стая налетевших галок. Мальчишки, заигрывая со скромницами, ржали от удовольствия, что им удалось их смутить. Они увёртывались от грозных девочек, получая в ответ тетрадами по голове.

Опер и директор стояли у входа в класс и зашли после того, когда все покинули кабинет. Ухватав не торопился на выход, увлечённо рисуя на парте танки с немецкими крестами. Когда в класс зашёл директор, он от неожиданности подхватился, и рукой прикрыл измазанную парту.

– Портим школьное имущество? Ухватав! В конце года будешь в наказание красить все парты.

Дима извинился, скромно опустив голову.

– ... тут к тебе пришёл следователь. Он хочет задать тебе несколько вопросов.

Маленький и невзрачный Ухватав покраснел, по шее поползли красные пятна. И шмыгнув носом, он ответил:

- Хорошо.
- А где твой портфель? – поинтересовался опер.
- Вот, – он достал из-под парты довольно изношенную, изрисованную картинками сумку.
- Где ты ночевал? – Борис смотрел в глаза Димке, но тот, не подняв глаз, ответил:
- Дома.
- Не ври мне, – следователь понял, что Ухватов чего-то боится.
- Я не вру, – ответил, опустив голову ниже.
- Мать сказала, что тебя не было.
- Она всегда пьяная и не знает.
- Давай мы пройдем в отделение. Поговорить надо. Только не вздумай удрать, я тебя потом из-под земли достану.

Ухватов послушно шёл следом. У Бориса закралось сомнение в причастности десятиклассника к убийству. На лице скромного мальчишки царило спокойствие, возможно ложное, ведь известно, что в тихом омуте черти водятся.

Они сели в машину и через четверть часа были в отделении.

Глава X

В архив

Поднялась осенняя завируха. Листья липли к одежде, их несло, кружило по просторам улиц, заставляя прохожих увёртываться. В одно мгновение из грозовых туч полился ливень. Борис был почти у двери в РОВД. Но пока он шел от машины, дождь залил лицо мелкими струями, словно из душа, и успел промочить верхнюю одежду.

Стремглав он проскочил дежурного и, распахнув дубовую дверь кабинета, быстро снял мокрый прорезиненный плащ. Он выглянул в окно с решёткой, чтобы засвидетельствовать стихию. На полу под плащом растеклась прозрачная лужа.

Он был несказанно рад, что он не один из тех листьев, которые вчера клубились в углу высокого забора, а теперь, плотно прижавшись, мокли, образовав уродливую кучу. Вспышка молнии ослепила глаза, а спустя дюжину секунд, прокатился оглушительный гром. Борис умножил количество секунд между вспышкой молнии и громом на сто, и оказалось, что удар в землю прошел в километровой удалённости. Небесное шоу восстановило нервное равновесие следователя. Искрящиеся мощные разряды спускались на землю и канонадой гремели все ближе и ближе, завершающим аккордом ударив последний раз. Борис вздрогнул. Казалось, если бы он стоял под открытым небом, то молния угодила бы прямо в грудь.

Буйство стихии выдернуло опера из раздумий в то время, когда ввели к нему Ухватава. Борис знал, что допрос может быть сложным и весьма простым, все зависело от того, насколько правильными будут вопросы.

Он ненавидел момент, требующий ювелирной точности удара. Надо было выявить слабые стороны опрашиваемого, надавить на него особым образом, чтобы получить признания. Предыдущая работа на допросах подтверждала верность его суждений.

К Борису почти сразу присоединился Потап. Ухватов вёл себя как затравленный зверёк. Почёсываясь, он шмыгал носом, не поднимая глаз, теребил рукой ухо, которое пылало алым цветом. Потап первым делом дал ручку и бумагу Ухватаву.

– Сейчас будем писать сочинение сынок, – Потап склонился над лохматой головой Димки.

Доброта криминалиста подкупала Диму и он обмяк. Взял ручку и принял позу старательного ученика. Сыном его с детства никто не называл.

Эксперт диктовал текст, а Дима выводил буквы, помогая кончиком языка. Материал для экспертизы почерка был одним из главных улик. Юноше было невдомёк, для чего он пишет сочинение под диктовку милиционера. Необходимые слова встроили в текст, чтобы сверить написание конкретных слов из записки, оставленной убийцей «Такое будет всем вам». Ученик выводил под диктовку «Такое внимание ко всем людям будет приятно. К чему стремиться, вам покажет жизнь».

Потап мог по почерку установить, какое психическое состояние виновного в момент преступления – нормальное или болезненное. Легко определял возраст преступника писавшего слова. Через призму знаний видел непривычные условия при написании: сидел или стоял человек, был ли в невесомости или опьянении. Мог выявить наличие травмы. Наука двигалась вперёд. Шансов у преступников остаться в тени было все меньше.

Отпечатки пальцев докажут виновность, приоткроют скрытую информацию о характере хозяина, способностях и болезнях. Клочок бумаги с жуткой фразой всех убить и отпечатком на нем части большого пальца – неотвратимо приведут к убийце.

Уже на третьем месяце беременности человек приобретает метку индивидуальности и неповторимости пальцевых узоров.

Если пальцы наделены «дугами», то человек наверняка имеет неуживчивый характер, потому что он всегда знает, что такое белое, а что чёрное. Если обладатель дуг, не дай бог, станет лидером, то несговорчивость и упрямство превратят человека в диктатора.

Пальцы с «петлями» говорят о хозяине, что он вероятнее всего – холерик, скучающий от монотонной работы. Потап замечал, что обычно люди с такой меткой общительны, покладисты и доброжелательны. Отзывчивость и откровенность заставляют хозяина идти на компромисс. Отличные руководители, они скромны в желаниях.

Богемные, витающие в облаках люди, точно имеют «завитки» на пальчиках. Творчески одарённые, они схватывают на лету любую науку. Склонные к самокопанию люди, частенько мучаются сомнениями. Неустойчивая психика чаще всего вгоняет их в депрессию.

Благо, что в пальцевых узорах заложены сложные комбинации, рождая миру огромное разнообразие индивидуумов.

Получив желаемое – образец почерка и дактилоскопию пальцев Потап удалился. Для экспертизы нужно время. Задача Бориса состояла в том, чтобы в краткий отрезок времени разговорить Ухватава, хотя такой экспромт подчас приводил к серьёзным упущениям, требующим повторных допросов. Иногда это сильно осложняло и замедляло расследование. Борис был готов к любому исходу, убедив себя в виновности сидящего перед ним. Собрав волю в кулак, он развернулся от окна к сгорбленному, словно старик, мальчишке, и начал допрос.

Если бы не нос с горбинкой и пушковые усы, то хлипкое создание сошло бы за девушку.

– Предупреждаю, что препираться бесполезно! Ты убил Надю?

– Я? Я не знаю, кто такая Надя, – он так правдиво выглядел, что опер на минуту впал в неизбежное сомнение.

Ухватов ещё больше сгорбился, насупился, выпятил нижнюю губу и выдавил:

– Я никого не убивал.

Борис молчал. Пауза вызвала напряжение в воздухе, готовая в любую секунду разразиться молнией. Пора менять тактику, вертелось в голове опера.

Он подошёл ближе, мельком заглянул в лживые глаза, увидел в них трусливую душу, и явно ощутил, что перед ним убийца. Внутри ёкнуло предчувствие, что сыщик на правильном пути. Во рту разлилась горечь, запершило горло от колкой сухости, признак безошибочного решения. При появлении опасности его желчь разливалась по телу, как яд змеи. Борису захотелось сплюнуть ядовитую слюну в лицо убийцы.

Ничтожные создания не должны топтать землю, касаться божественного мира. Смерть – удел ублютков, как Ухватов.

Борис строго исполнял предписание, ведь самосуд мог приблизить его и поставить в один ряд с преступником. Он вдохнул полную грудь воздуха и крикнул на выдохе:

– Говори сука!

Ухватов подпрыгнул. Это была неконтролируемая ситуация. Спустя секунды он снова, как и прежде, был спокоен. Привыкший к угрозам любовников матери Дима больше не реагировал на следователя.

Борис выдержал паузу, сел напротив, резко поднял Димке голову за подбородок и, глядя в упор, зло произнёс:

– Я не намерен терпеть здесь твоё присутствие больше положенного времени, – сознавайся, я все и так знаю, – опер брал его на понт.

– Я не понимаю, о чем вы спрашиваете, – блеял десятиклассник, кулаками растирая глаза.

– Ах, ты не понимаешь? Сейчас я тебе на пальцах объясню.

Лицо и уши юнца вспыхнули словно факел, только тронь, обожжёшься. Борис поостерегся марать честь мундира из-за чудовища, которое, не успев преступить порог совершеннолетия, лишил жизни ребенка.

– Вот, здесь доказательства твоей вины! – Борис потряс в воздухе папкой, из которой вылетел листок и плавно опустился на пол.

Дима отстранился от следователя как ошпаренный, и склонил голову к коленям так низко, что чуть не сложился пополам, и замолк.

Игра недоросля в молчанку надоела Кабанову. Он гаркнул ему под ухо:

– Здесь твои отпечатки пальцев, написанная тобою записка и анализ спермы. Тварь! Говори правду или я выбью её из тебя вместе с душой!

Терпение закончилось. Он размахнулся и со всей силы попал кулаком в нос. Кровь хлынула на подбородок, окрашивая в алый цвет грязно-белую школьную рубашку. Закрываясь от следователя рукой, Ухватов размазал кровь по рукаву. Искажённое болью лицо застыло. Хлюпая носом, как ребёнок, он завыл, пуская слюни на бороду:

– Я ...я. Нечаянно! – вдруг сознался Ухватов.

Борис замер, боясь сбить преступника с признания.

– Я не хотел! – подвивая, он вдруг сознался. – Так получилось, – дрожа от страха, как осиновый лист, он стучал зубами.

Жалкий вид юноши не смущал накачанного сыщика. За совершенное им убийство Борис жаждал дубинкой поломать ему все кости, чтобы он корчился от боли всю оставшуюся жизнь, и помнил о том, что совершил.

Преступные мысли, огорчавшие Бориса, бежали со скоростью света, опережая сознание. Попытка их остановить не увенчалась успехом. Раздосадованный вспышкой ярости, Борис прилагал усилия сдержаться от расправы.

В воздухе повис вопрос, чем он, служитель порядка, отличается от сидящего напротив существа? Молниеносно сработал защитный механизм, когда он снова взмахнул кулаком над убийцей. Стыд остановил криминальную мысль, обнажив несовершенную человеческую породу. Он не убил бы никого. Это били всего лишь мысли, он никогда не перешагнул бы преступную черту. Возможно, убил бы преступника, который оказал бы вооружённое сопротивление при задержании.

Человеческая жизнь была дана богом, считал Борис, и только он вправе её отнять. Зато, закон не запрещал высказать все, что он думал об убийце. Борис, как волк, лишённый свободы, вспоминая несчастное лицо матери потерявшей свое дитя, метался по камере и кричал:

– Ты считаешь, что можешь нечаянно убивать. Для тебя это просто ошибка. Ты лишил жизни невинную девочку, достойную жизни. Такие как ты не должны дышать одним воздухом с добропорядочными гражданами. Ты трусливая вонючка. Падаль для общества. Я ненавижу таких как ты мерзких тварей. Я стану мусорщиком, который беспощадно будет очищать землю от грязи.

Нестерпимая мысль, что воздух из лёгких убийцы попадает в его тело, лишила следователя равновесия. Он исподволь чувствовал себя соучастником убийства. Он рванул форточку и глубоко вдохнул свежий мокрый воздух. Отдышавшись девственно чистым воздухом, он взглянул на Ухатова. Кабанова от его мерзкого окровавленного лица заметно передёрнуло.

Кровь охладила пыл Бориса, он перевёл дыхание, порылся в кармане, достал носовой платок, смочил водой из графина и кинул на колени согнувшегося от страха в три погибели щенку.

– Вытри свою поганую рожу. Тошно смотреть.

Выбив признания, Борис слегка успокоился. Предстояло узнать подробности преступления и его мотив. Бегая из угла в угол, он размашисто выдернул стул, и устроился за столом

конспектировать допрос. Нестройным от стресса и ненависти почерком опер записал все, что услышал, и обратился в слух.

Чтобы успокоиться, Борис сосредоточился на дыхании и сделал пять медленных глубоких вдоха, повторив как молитву: «Я спокоен. Я уверен в себе. Я уравновешен. Я осознаю, что происходит. Моя жизнь прекрасна. Я на правильном пути. У меня интересная работа и праведная жизнь». Наблюдая за убийцей, Борис понял, что тот готов раскаяться.

– Начинай с самого начала, – выдержанным тоном дал знать опер.

Ухватов заёрзал на стуле, почесал затылок, вскользь виновато взглянул на могучего следователя и, запинаясь, признался:

– Утром я вышел пораньше и пошёл в школу. Когда захотел в туалет, то спрятался за забором. Она шла мимо и застала меня с опущенными штанами. Обозвала меня. Сказала, что все расскажет, чем я занимаюсь. Я испугался.

Он медленно выдавливал из себя предложения. Похоже на ходу сочинял историю. Борис с недоверием взглянул, и увидел, как бегают глаза Ухватова в поиске нужных слов.

– Что-то ты не договариваешь дружок. Ну, подумаешь, пописал под забор, не убивать же людей из-за этого.

– Я испугался, – он неуверенно ответил.

– Правду говори или, снова в морду получишь.

– Я рассказал, – он потух, казалось умолк навсегда.

Борис понимал, что этот убудок – не так прост, как кажется. У него явно свои тараканы в голове. Что-то явно не совпадало. Он чувствовал, что попал впросак.

– Значит, ты справлял нужду. Ты думаешь, я тебе поверил? А как сперма твоя появилась на одежде убитой? Ты её вместе с мочой выссал? – у Бориса скрипнули зубы.

Подонки молчали. Следователь замахнулся и чуть остановил кулак у носа.

– Говори сволочь правду! Иначе тебя посадят, вдобавок ко всему, за изнасилование – схватив за шкуру, он потрянул так, что у Ухватова стукнули зубы.

– Я ждал девчонок! – вдруг заговорил Дима.

– Кого конкретно?

– Конкретно никого. Любых.

– Для чего?

– Мне нравилось смотреть на них.

– И что?

– Ну, так. Интересно.

– Что тебе интересно?

– Нравится, когда они смотрят на меня.

– То есть?

– Ну, ...ну, – он покраснел до ушей и стал похож на перезрелый помидор.

– Ты что мастурбировал?!

– Н-нет.

– Тогда что ты делал?

– Ничего. Просто стоял.

Мысль обожгла как калёным железом, и Борис вспомнил рассказ Потапа о происшествии в школе.

– Ясно. Так это ты развлекаешься за школьным забором? Эксибиционист проклятый.

Не знакомое слово ввергло Ухватова в ступор.

– А что это такое?

– Это то, что ты делал.

– Я не видел, как она подошла ко мне сзади. Когда я повернулся к ней, она испугалась и хотела убежать. А я кончил ей прямо на фартук. Она стала кричать, а я не мог отпустить.

– Извращенец ... твою мать! Значит, она испугалась, увидев твой член?

– Да. Я с ней боролся. Она вырывалась, кусала ладонь, когда я закрывал рот рукой. Мне трудно было с ней справиться. Я обхватил шею и придавил, чтоб она молчала. Она упала. Я испугался. Я не мог бежать, мне мешали спущенные штаны.

– Дальше!

– Когда она потеряла сознание, я увидел её тело. Я никогда не был с девочками. Я не выдержал и кончил еще раз.

– Больной ублюдок!

– Я потряс, а она не двигается. Я прислушался, а она не дышит. Меня никто не видел. Я хотел убежать сразу.

Раскаяний Ухватава явно не наблюдалось, он обвинял малышку, ставшую свидетелем его неадекватного поведения. В глазах проглядывался только страх за свое будущее.

– Что потом?

– Я не знал, куда её деть. Схватил за ноги и оттащил вглубь сада, бросил в ямку, и присыпал листьями и пошёл в школу.

– Зачем в записке угрожал всем?

– Я услышал, как мать рассказывала своему хахалю, что поймали маньяка, того убийцу девочек, и решил все свалить на него. Ночью пробрался в сад и вложил в руку записку.

У Бориса разбухла от злости голова, шея надулась, желая треснуть. Он не мог ни писать, ни слушать признания. Здоровьяка от повышенного давления подташнивало.

Он чётко вспомнил тот день, когда впервые увидел растерзанную маньяком девочку, сработал рвотный рефлекс, и он еле успел добежать до унитаза. Смыв с лица остатки утреннего завтрака он отдышался, и пошёл на допрос. Такая реакция крайне расстроила следователя. За последние полгода он так часто соприкасался со злом, что немало сил требовалось, чтобы успокоиться. Он помолчал.

– Продолжай.

Борис засунул руку в карман и дотронулся до «камня терпения». Это был абсолютно простой гольш. Критерий выбора Борисом камня – приятный на ощупь. Его секретный предмет обладал магическими свойствами. Всякий раз, когда он чувствовал что выходит из себя, он гладил «камень терпения».

Кабанов думал о мальчишеской жестокости и хладнокровности. Задушив девочку, тот сел за парту, как ни в чем не бывало. От чего появляются беспощадные подростки и безжалостные убийцы? Как окружение влияет на появление матерых зверей? В чём причина? В равнодушии общества к подрастающему поколению.

Молодой, не заостеневший мозг искал ответы, которые, видимо, придут только с опытом. Грусть от несовершенства мира накатила на следователя.

Преступление было раскрыто. Город мог спать спокойно. Об этом пока знал только Борис. Осталось добыть подтверждение экспертиз. Когда он остыл от переживаний, его мучила совесть за лютые допросы, учинённые им ради идеи спасения людей от маньяка, но он все равно повторил бы все сначала, упросив совесть подождать за дверью.

Для Бориса совесть – это всего лишь трюк, которым пользовались другие, призывая к ней.

Взрослые при нём часто рассуждали что правильно, а что нет, навязывали укоренившиеся в обществе взгляды, в момент, когда ты еще невинен, уязвим, деликатен, и на тебе легко оставить грубый до шрама след, окаменевший отпечаток. А потом всю жизнь следовать созданным ограничениям. Общество обусловило людей «совестью» с рождения, которая поработила людей, и, управляя жизнью со стратегической точностью, стала главным критерием оценки.

Если у тебя есть совесть, то тебя может использовать тот, у кого её нет.

Борис имел в арсенале пару проверенных приёмов против совести, чтобы совладать с ней в критической ситуации. Ради достижения цели, он забывал на время об общественном мнении. Другой путь был не для него, он всеми правдами и неправдами находил преступников и боролся со злом. В нужный и важный момент Борис сглаживал острые углы разногласия с совестью, часто допускал крайнее раздражение, возбуждался от негодования. Он рассматривал сложившиеся обстоятельства с разных сторон и поворачивал к себе наиболее выгодной. Мудрость появляется с опытом, а опыт – из практики. Он активизировал наблюдательность, оценивал происходящее со стороны, чтобы легко избегать ошибок в дальнейшем.

Кабанов и есть – угловатый острый камень, который со временем отшлифуется на волнах жизни, и превратиться в безупречный гольш, похожий на тот, который он носил в кармане.

Глава XI

Об руку со смертью

Скоротечная весна радовала мандариновым солнцем. Кипельно-белые подснежники проглядывали в проталинах меж сугробов, в воздухе металось счастье, обострилось ожидание любви.

Ольгу и Юрия, скреплённые судьбой школьной партой, пронзила стрела амура, и едва дождавшись аттестата, они поженились. Не съев пуда соли, у них родился богатырь. Нянькались молодые родители со щекастым карапузом, дарили ему нескончаемую отеческую любовь. Николашка вырос крепким и добрым малым.

Достигший совершеннолетия дюжий широкоплечий атлет ушёл служить в армию, отгуляв весёлые проводы с полусотней родственников и друзей. Справного богатыря родители напутствовали на пороге дома крестом. И отправили исполнить долг перед Отечеством.

Ожидая дембеля голубого берета, мать Ольга Степановна и отец Юрий Олегович, мечтали обнять широкоплечую спину возмужавшего сына. Колюшка был их надеждой на будущее, опора в старости, помощник в хозяйстве, какой родитель не мечтал о правильных детях.

С прилётом птиц из тёплых краёв почтальон постучал в свежевыкрашенную дверь и вручил опечатанный сургучом пакет. Мать, шурша бумагой, с опаской читала имя отправителя, и дрожащими от волнения руками выпотрошила конверт.

Слова в письме, как карамель вязли на зубах, каждая запятая сжимала виски, а точки взрывались в сердце матери. Известие о том, что сын травмирован, тяготится на излечении в военном госпитале, не вмещалось в голове. Дребезжащее сердце шатко надеялось на скорое выздоровление сына.

Опрометью взмыв ближайшим рейсом, она через сутки была у разбитого параличом сына. Сердце оборвалось при виде кровинки. Николаю, после выхода из комы, изъеденному пролежнями, недоставало сил бороться за жизнь. Ольга свалилась без сознания, как подкошенная трава. Высоковольтный удар судьбы был не под силу любящей матери.

Невыносимо медленные дни и бессонные ночи мать провела у постели сына, замечая, как слабеет недвижимое тело. Судьба злодейка послала защитнику Родины непомерные испытания.

Врачи от бессилия развели руками и, не прогнозируя последствий, вернули матери полу-живого сына умирать.

Первый день пребывания Николая дома превратился для матери в тягостный кошмар. Оля не знала, что ей делать с живым трупом, как помочь истощённому родимому дитяти, готовому покинуть мир живых в любую секунду. Существовала единственная возможность спасти больного от голода через назогастральный зонд, торчащий из носа. Лечение пришлось додумывать самой.

Спустя неделю Ольга уверилась в том, что кроме неё никто не поможет выходить сына и, мобилизовав оставшиеся силы, ежечасно возвращала к жизни иссохшего на одре смерти богатыря.

Для неё словно повторилось время, когда она растила младенца, недосыпала, как солдат не покидала ответственный пост, только сыну было менее четверти века. Коля, как и в детстве, обучался правильно держать ложку, подносить её к губам, глотать протёртую еду, жевать, произносить звуки, складывать слова. Энергичное участие отца в сражении с болезнью сына, дало результат. Старик не отчаивался, ухаживая за больным телом, облегчал страдания наследника, поддерживал его морально.

Трудные дни борьбы со смертью, месяцы выживания, годы реабилитации, еда с комплексом витаминов, битва с пролежнями, смена подгузников, изматывающие массажи, попытка понять немого сына остались за кормой корабля по имени «Семья».

Самоотверженная любовь родителей сломала болезнь, сын заговорил, самостоятельно ел. Мать поражалась мыслям сына, зародившимся в неуправляемом теле, которыми он щедро делился, выйдя из коматозной жизни.

Он рассказывал, что слышал разговоры, понимал, что с ним произошло, и даже кричал в ответ, но только звук не вылетал дальше кожного покрова. Смирившись с ролью инвалида, сильный духом уже мужчина усердно лабал физические упражнения, восстанавливая функцию обездвиженных ног, понимая, что обязан освободить родителей от лишних забот.

Маленькая сестрёнка Надя привыкла к тому, что брат неподвижен и ждёт её прихода. Она каждое утро подолгу возилась у его мёртвых ног, подбадривая дух весёлым нравом, вселяя уверенность, что наступит новый день – лучший.

Буквально за год до несчастья с сыном, Ольга сама чуть не поплатилась жизнью, когда спешила к автобусу и попала под его колеса, и только чудо спасло её от смерти. Колесо лишь зажало лодыжку, оставив огромный синяк, от которого она через месяц благополучно избавилась.

Чередой трагедий, словно спутанный клубок, который не размотать. Смерть Нади нанесла сокрушительный удар по семье. Сообщение о том, что малышка задушена в школьном саду в пятидесяти метрах от входа в школу, смело ураганом надежду на счастливое будущее, превратив его в кисельный туман, сквозь который не пробиться солнцу.

Для родителей день и ночь слились в единое временное пространство, депрессия уцепилась смертельной хваткой в потухшие души. Вымученная бессонными ночами мать могла выспаться только тогда, когда физиологическая потребность валила апперкотом в постель.

Безоружная перед судьбой женщина изменилась. Радужный взгляд потух, унеслась прочь энергия, иссякли слова, а слезы высохли, как в безжизненной Сахаре ручей. Ольга понимала, что смерть отменить нельзя – это приговор Бога. Поседевшая, состарившаяся не по годам она закаменела от горя.

Отец сгорбился, на истощённых скулах часто блестела скупая слеза. Мир в подслеповатых глазах потух, радуго счастья отгородила пелена горя. Дух мужества похитила костлявая чертовка. Старика опутало опасное спокойствие, отравившее надежды предка на детей.

Надежду хоронил весь город. Гроб установили на сцене статного дворца, и каждый житель простился с юным дарованием, погибшей от руки убийцы.

Трогательное личико с косичками в белых бантах врезалось в память каждого прошедшего мимо. Надежда, словно уснувшая царица, нашла последнее пристанище в обитом красным бархатом дереве. Любимая скрипка лежала в ногах. Убийца порушил мечты Нади – стать знаменитой, родителей – о спокойной старости, педагогов – испытать чувства гордости за восхождение ученицы на Олимп Славы. Хотя гордость за пытлившую к знаниям ученицу осталась в их сердцах. Народ в горе пролил море слез. Отмщения жаждали и стар, и млад.

Время шло, а раны на сердце не заживали. Николай не понимал сломленного отца, погрузившегося в пассивный суицид. Скорбя, родитель впал в нескончаемое горе, и чтобы заглушить боль – запил. Водка едва спасала душу от гнойного нарыва, прибитая гвоздём смерти, она утратила краски жизни. Алкоголь уводил от реальности, гасил душевное расстройство, программировал на смерть. Жизнь для него потеряла ценность и смысл. Огрубевший от жизни он не перестрадал горе, не выплеснул эмоции, не освободился от боли, ещё глубже загнал в себя. Он самоуничтожался. Работая до седьмого пота, доводил себя до истощения, не глядя, бросался под проносившиеся мимо машины и пил до умопомрачения.

Смерть сестрёнки выстрелила дуплетом, растерзав сердце неокрепшего юноши. От душевного надрыва саднил шрам памяти. Оставшись без отеческой любви, сын так и не понял

родителей, почему они напрочь забыли о его существовании. Он простил предков за утрату способности к состраданию и решил, что его предназначение защитить их от разрушительного удара судьбы. Его витиеватый путь спасения от истерик и слёз, уговоров и обвинений не разбудил в родителях стремления жить.

Мать после похорон ежечасно молилась за ушедшую из жизни дочь, соприкасаясь с ней в молитвах. Храм, в который она зачастила, защитил от страданий, в спокойной дружественной среде чувствовалось присутствие Бога, раны на истерзанной душе постепенно затягивались. До сорокового дня, пока душа дочери нуждалась в матери, она стала трудником. Ежедневно читая Псалтырь, она посещала утреннюю и вечернюю службу, исцелялась от душевной боли.

За стенами монастыря, к ней пришло осознание дальнейшего смысла жизни. У неё есть сын, нуждавшийся в помощи. Выйдя из кризисной ситуации, мать просила прощения у сына и взялась за спасение мужа. Забота стала смыслом жизни.

Николай, оставшись в здравом уме, научился бороться за жизнь. Желание отомстить убийце взяло верх над болезнью. Опечаленный навалившимися обстоятельствами, Коля не покладая рук трудится над собственным телом и однажды впервые почувствовал, как шевелиться большой палец на ноге. Смерть сестры, как не прискорбно, стала отправной точкой его выздоровления. Многогранное желание спасти родителей и отомстить за убийство сработало, как катализатор.

Коля спас отца от мысли о смерти, а мать от заточения в монастырь. Бог милостив – используя кнут, он подарил пряник. Мало-помалу жизнь стабилизировалась, но краски её потухли. Не вернуть того былого счастья и радости.

Зима после Нового Года застелила землю сверкающим ковром. Крещенские морозы сдержали своё предназначение, крепчали день ото дня. Ольга Степановна шла по аллее. Она давно не ощущала такого спокойствия. Горе словно иссушило её до дна. В ней не осталось сердца. Оно билось, выполняло жизненно-важную функцию, но для неё это был опустошённый сосуд. Жизнь остановилась без её маленькой дочки. Грусть поселилась в глазах навсегда. Теперь некому плести косички, вязать огромные банты, уютить школьную форму. Никто не похвалит блины, так как это делала Надя. От мыслей тело сковало непроходимое горе.

Искристый снег осветлил улицу. Солнце животворило каждую снежинку, хохотушки кружили над головой, вся природа словно смеялась. Мать прониклась хрустом морозного снега, остановилась полюбоваться сказочной красотой, склонилась, подхватила пригоршню мелового холода, ощутив приятную колкость на ладони. Всматриваясь в алебастровый ком, она ощутила, как тело пронзили морозные иголки. Снежный ком заледенел, и медленно стаял в тёплых руках, как сладкая вата.

– Снова зима, – стряхнув с ладони осколки льда, она уставилась вдаль.

Сердце дрогнуло, когда она увидела красное пальтишко, белую шапочку, из-под которой болтались две жидкие коски и в валенках воробьиные ножки.

– Надя! – сердце забилося, задрезжалось, сжалось от счастья. – Надя! – в её заскорузлой жизни промчался солнечный зайчик, по щекам покатались солёные ручьи.

Ольга ускорила шаг, при попытке догнать дочь ноги заплелись, как у пьяной. Жажда объятий захлестнула сердце, желание прижать кровиночку свело с ума, она кинулась со всех ног расцеловать смешливое личико.

– Надя! – голос сорвался, снежинки запекли в горле и остудили связки. – Надя! – задыхаясь от быстрой ходьбы, мать с надрывом крикнула, – Постой! Надя!

Слома голову она неслась по аллее, нагнав малышку, она дотронулась до плеча в красном и прохрипела:

– Надюша! – девочка обернулась.

– Я не Надя, – тихо ответила с извиняющимся видом неточная копия.

Мать застыла в недоумении, уронила руку, в глазах умерла надежда на встречу с её лучезарной деткой.

Досадный ком залепил горло, заполонил дыхательные пути, без воздуха маска боли искривила, как бумага белое лицо, кровь прихлынула к голове, в ушах забил набат, расколов сердце на части. Острая нехватка кислорода сковала тело. Ольга драла руками горло, сжимала грудь, хватая воздух, медленно оседала на колени, из носа неожиданно хлынула кровь, раскрасив алым цветом серебристый снег. Обмякнув, она упала на спину, боль испарилась, высветив блаженную радость от встречи с дочкой. Последнее, что увидела мать, ускользающий силуэт в красном пальтишке и белой шапочке, из-под которой озорно торчали огромные лилейные капроновые банты, и услышала звонкий призыв:

– Мамочка, иди за мной!

Глава XII

Начало

Диму Ухватава знакомые звали Духом. Со временем никто не смог бы вспомнить историю его прозвища.

Как-то летом безлунной ночью дети из соседних домов собрались вокруг костра. Мальчишки до полуночи жгли деревянную тару соседнего магазина. Вырвавшиеся из жаркого ада искры светились в чёрном небе, взвивались, чтобы достичь бриллиантовых звёзд Большой Медведицы. Пламенные языки обжигали перепачканные пальцы ребят. Костёр всполохами лизал ноги, дразнил, копируя движения рук малышни, трещал на все лады, рассыпался фейерверком, устрашал треском раскалённых углей.

От жгучего пламени лица детей покраснелись как помидоры. Под полыхающие щепки увлекательные истории казались страшнее. Тёмная ночь, уцепившись в неокрепшие спины, нагоняла страх, будоража юную кровь. Для пущей убедительности рассказчик сказок в момент апогея пугал резким криком.

Мифы об ужасающих мертвецах наводили трепет на разновозрастное сборище. Сердце юных слушателей трепетало от желания помочь сказочным героям в борьбе со злом. Страх до пят пронизывал неискушённые сердца. Девчонки жались к свету костра, взвизгивая, оглядывались в ночь, но покидать волшебную зону и не думали. Жажда прикоснуться к неведомому миру была неодолимей желания спрятаться в бетонных стенах дома. Устрашающие истории о красной руке, чёрном пятне и синей ленте увлекли ребятню, зажав их железным кольцом кошмара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.